

Михал Михалыч

Писатель Жванецкий: искусство сохранять актуальность

Наконец-то можно написать статью о писателе, не процитировав из него ни слова. Чтобы не тратить газетную площадь. И сэкономить время для главного, для формулы его творчества, для определения его сверхзадачи. Что же до цитат... Их и так все наизусть помнят; кто захочет — сам себе процитирует.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

В светлые годы юности, они же темные годы застоя, нынешним сорокалетним не всегда легко было понять секрет особой, феерической популярности Михаила Жванецкого у старших товарищей-шестидесятников. Ну да, конечно, не сравнить ни с кем из эстрадно-сатирических звезд; ну да, разумеется, настоящий литературный талант, помноженный на актерское мастерство; ну да, ну да, ну да. Однако ж смотрят на него не просто как на отличного сатирика; смотрят на него как на Писателя с большой буквы. Разве не видят, не понимают, что дарование это ограничено ровно тем же, чем и усилено, — социальным контекстом? Уберите магнетическую рамку брежневского застоя, выпустите этот интеллигентский юмор на рыночную волю — и что от популярности Жванецкого останется?

Но вот рамку убрали, юмор выпустили, волю обеспечили, и что же — в 90-е годы театрализованное писательство Жванецкого лишь расцвело. Причем он не только сумел найти новую интонацию для нового времени; каким-то невероятным образом и прежние его вещи сохранили свежесть и остроту, хотя реальность, по поводу которой они создавались, пошла прахом. Пришлось задуматься: а за того ли мы его принимали?

Многие из нынешних сорокалетних думали, что Михал Михалыч — всего лишь литературный резонатор социальных процессов. Оказалось, он создатель универсальных текстовых матриц, которые можно прилагать к разным обстоятельствам без ущерба для смысла. В одну эпоху притча про Григория и Константина предстанет антиалкоголическим шуткованием; в другую сама собой наложится на Григория Романова и Константина Черненко, делящих наследство Андропова; в третью нальется соком классических ассоциаций с гоголевскими персонажами Бобчинским и Добчинским... И в любую эпоху эти герои будут связаны со смешной болью человеческого существования.

Вот в этом и кроется главный секрет успеха Жванецкого. Жизненного. Литературного. Под видом конкретной сатиры он выдал на-гора философию частной жизни в пределах общей истории. Под видом скоропортящейся эстрады предложил публике долгосрочную

писательскую стратегию. Под видом своего сценического персонажа Михал Михалыч, небольшого упитанного весельчака, обожающего собственные тексты и доставляющего из потертого портфельчика новые и новые тексты, — под видом этого персонажа Жванецкий скрыл несуетливую мудрость здорового жизнеотношения.

Что же до актуальности... Она как острая приправа; без нее обойтись можно, но с ней хорошо приготовленное блюдо лишь выявляет лучшие вкусовые качества. В начале своего творческого пути хитрый писатель Жванецкий притворился бесхитростным сатириком Жванецким и переключил на себя энергию интеллигентского отрицания. Затем искренне отозвался на перемены ко благу, позволил себе даже некоторую поучительность. Последние годы наша реальность была устроена таким образом, что Жванецкий вынужден был обходиться вообще без сатирической приправы. Не поставляла она сатирические контексты, шла в скучном правильном направлении, и все тут.

Он легко справлялся с проблемой, на жизнь не жаловался. И вдруг — такое везение! Просто как в его молодости. Как в нашей юности. Ну ведь опять началось по новой. Ну ведь снова глупость изо всех щелей поперла. Ну ведь как прежде публичное пространство раскололось на тех, которые мы, и тех, которые они. Ну ведь уже несколько дней верхи не могут того, что хотят. А низы ничего не хотят из того, что могут. А впереди — не дни. А впереди — в лучшем случае месяцы. В худшем — годы.

Ужо посмеемся. Вместе со Жванецким. А потом опять выруем. И с изумлением обнаружим, что писал он о другом. Не о системном кризисе власти. И не об энкавдэшных традициях. А о глубинной жизни. Которая совершается помимо их воли. И в соответствии с нашим замыслом.

Известия — 2003 — 29 окт. — с. 14